

ЁКО ТАВАДА – ЧЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ «ГРАНИЦЫ»

Симян Тигран Сержикович,

доктор филологических наук, профессор,

профессор кафедры зарубежной литературы

романо-германской филологии

Ереванского государственного университета,

Республика Армения, Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна, 1

ORCID: 0000-0001-9534-3505

tsimyan@ysu.am

Аннотация

Предметом анализа данной статьи является габитус немецкой писательницы японского происхождения Ёко Тавады, а также гибридность ее произведений. Главный тезис нашего исследования – человек «границы» (Тавада) с гибридной идентичностью порождает транснациональные тексты, темой которых являются проблемы языковой границы на денотативном и коннотативном уровнях. В статье особо акцентируется и анализируется проблема гендерной и сексуальной идентичности на примере повести «Собачья невеста».

Методологической предпосылкой данной статьи стали семиотика, типология культуры, а также теоретические концепции М. Бахтина, Ю. Лотмана и Х. Бхабха.

Эмпирический анализ романа Ё. Тавады «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» и нескольких ее эссе («U.S + S.R. Eine Sauna in Ferposteuropa», «Жить в Японии») показывает, что в понимании автора в нынешнее время не существует четкой границы между географическим и ценностным Западом и Востоком. В размежевании ценностных границ огромную роль сыграли и продолжают играть Интернет, глобальная торговля и транснациональные корпорации. Овладение Тавадой разными национальными и культурными языками породило гибридное сознание и гибридного человека, рефлексирующего о географических, культурных «границах». Именно подобное гибридное мышление стало предпосылкой для рефлексии о проблеме гендера, границ и взаимопереходов полов.

Гендерные переходы и проблемы сексуальной идентичности анализируются на примере повести «Собачья невеста» и романа «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов». Если на примере повести анализируются переходы от гетеросексуальности к лесбиянству и бисексуальности, то в романе описывается андрогинность одновременно и в женщине, и в мужчине. Подробный анализ разных сегментов художественных текстов

показал, что гендерная идентичность литературных персонажей Тавады представлена не как биологическая данность, как дар природы, а является продуктом поиска через переходы гендерных границ. В дополнение к описаниям поиска гендера в текстах Тавады также рассматривается гендерная гибридность – гермафродитизм как ментальный конструкт.

Ключевые слова: миграционная литература, гибридность, гибридная идентичность, мультикультурализм, транснациональность, сексуальная ориентация, гендер, бисексуализм, гомосексуализм, лесбийство.

Библиографическое описание для цитирования:

Симян Т.С. Ёко Тавада – человек и писатель «границы» // Идеи и идеалы. – 2018. – № 4, т. 2. – С. 193–206. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-193-206.

«Немножко того, немножко этого – вот
путь, каким приходит в мир новое»

Салман Рушди

Введение

Ёко Тавада, пишущая на двух языках – японском и немецком, является одной из самых известных ныне живущих представителей литературы Японии и Германии. Она родилась в 1960 г. в Токио. В 1980 г. в первый раз через Транссибирскую магистраль приехала в Германию. Ёко Тавада изучала русскую литературу и литературоведение в Токио и Гамбурге. В 1982–2006 гг. проживала в Гамбурге, а ныне живет в Берлине. Это говорит не о ее языковом переходе **от** японского **к** немецкому – она осталась **между** этими языками.

Цель статьи – представить Таваду в культурном плане как человека с гибридной идентичностью, как писателя «границы», создающего художественные тексты с транснациональной тематикой и проблемами «границы» (язык, идентичность, гендер¹ и т. д.).

**Владение языками как предпосылка
гибридной идентичности**

Владение несколькими языками (денотативный уровень) – это окно в другие языковые пространства, что, в свою очередь, является предпосылкой для литературного билингвизма, раскрытия и интериоризации другой культуры, освоения «вторичных моделирующих систем» (по Ю. Лотману), т. е. для овладения коннотативными языками культуры, литературы и т. д. Это порождает гибридных людей, которые, в свою очередь, благодаря уже экстериоризации могут производить гибридные и транснацио-

¹ Термин «гендер» используется «для обозначения социальных, культурных и психологических надстроек над биологическим различием полов» [9, с. 330].

нальные тексты². Как заметил А.В. Белобратов, «У Тавады экзотика играет огромную роль, как считает Иванович: автор покинул пространство своего родного языка, перенял новый язык и стремится в своих текстах наглядно представить возможности обоих языков. Европа и Япония вступают в диалог и на содержательном уровне, поскольку в своих текстах Тавада постоянно обращается к древним японским мифам и сказочным образам. Смешанная форма, микст, – то есть немецкие тексты с японскими иероглифами и элементами письма, – это скорее искусство, чем литература, по мнению самой Тавады» [2, с. 100–101].

Гибридная идентичность как предпосылка транснациональности

Тавада – человек «границы»: хотя в культурном плане она формально находится на стыке немецко-японской культуры, по своим ценностным координатам она – космополит, находящийся на более широком ценностном пространстве между географическим Западом и Востоком. Ниже попытаемся описать понимание Тавадой границ – в географическом и ценностном смыслах.

Следует отметить, что в 1980–1990-е и особенно в 2000-е гг. Германия приняла очень много эмигрантов. Не только в Германии, но и во многих других странах Запада (США, Канада, Англия, Франция и т. д.) государственные и этнические границы перестали совпадать. В новой социокультурной ситуации вопрос национальной идентичности стал намного сложнее. До этой эпохи людям намного легче было самих себя идентифицировать как русских, японцев, иранцев, чилийцев, армян и т. д. Именно об этом времени мы читаем в романе Тавады «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» [8]. На вопрос индуса «Из какой вы страны?» героиня спокойно могла ответить: «Из Японии», в «те годы ты ничуть не сомневалась в своей идентичности: ты женщина, ты из Японии» [Там же, с. 201]. Отголоски «чистой», негибридной идентичности можно увидеть в комментарии главной героини в четвертом путешествии («В Белград»). «Славяне и Гонконг как-то слабо сочетались в моей голове» [Там же, с. 70]. Эти слова она произнесла в кинотеатре, когда сербы смотрели гонконгский боевик.

Тавада, вполне добровольно эмигрировав³ в 1980-е гг. в Германию, оказалась с культурной точки зрения в благоприятной среде, в «трансграничном культурном ареале» [6, с. 7], где есть большой интерес к иностранцам,

² О языковых рефлексиях немецких авторов с эмигрантским прошлым см. подробнее [2, с. 99–102].

³ В истории европейской литературы добровольных эмигрантов довольно много. Эмигрантами были Р.М. Рильке, Джеймс Джойс, Самуэль Беккет, Петер Хантке, и все они стали мировыми величинами благодаря не только уму и таланту, но и гибридной, мультикультурной идентичности.

пишущим на немецком языке. Следует заметить, что в Германии с 1985 г. была основана специальная премия Адальберта фон Шамиссо, которой награждают особо одаренных писателей-иностранцев за необычное использование языка и обогащение немецкой литературы⁴. Тавада была удостоена этой премии в 2006 г.

Заметим, что она за свою литературную деятельность в течение 1990–2000 гг. получила самые высокие литературные премии Германии и Японии, а также стипендии США. Эти многочисленные международные премии и стипендии, являясь знаками международного признания, углубляют и обогащают гибридную идентичность Тавады. К тому же литературные премии и стипендии позволяют одаренным мигрантам-писателям заниматься только свободным писательством⁵.

Переходя культурную границу от «своего» к «чужому», а от «чужого» уже к «своему», но уже другого уровня, эмигрант-писатель Тавада становится носителем как минимум двух культур, иными словами – человеком с гибридной идентичностью. Именно поэтому в эссе «U.S + S.R. Eine Sauna in Fernosteurora» она отмечает, что «проект “писать хорошую японскую литературу” – это анахронизм» [13, S. 152]. В этом пассаже можно увидеть имплицитную критику в адрес пропаганды национальной литературы, которая противопоставляется понятию глобальности (по Беку), что «представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию» [1, с. 23–26]. Именно поэтому Тавада в эссе играет с топонимами: она хочет остаться в Нью-Йорке и завершить книгу про Сахалин, сидя в нью-йоркском баре «КГБ» на Второй улице [8, с. 151, 152].

Синтез двух культур должен приводить к «обогащению», но он, как метко отмечает Тавада, возможен при наличии «дистанции» между своей и чужой культурой. Для Тавады «дистанция» – гносеологическая предпосылка для понимания и познания объективной реальности. «Из Берлина человек смотрит на вещи в Кёльне по-другому, также из Нью-Йорка или Осло. Города и встречи помогают мне раскрыть свое многоголосие (Vielstimmigkeit), в этом находится и моя идентичность» [11]. Уже выбором слова «многоголосие» Тавада отсылает к теории полифонии Бахтина как одного из предтеч теории гибридности. Внутренняя полифоничность возможна при динамичности автора, пересекающего географические пространства так, что эти места для эмигранта не становятся родиной. «Он ни в коем случае не должен интегрироваться», говорит Тавада [13, S. 101].

По мнению Тавады, автор должен оставаться в «пограничных» культурных зонах, или, используя неологизм Р.М. Рильке, в «межпростран-

⁴ См. подробнее [10].

⁵ «Свободный писатель» («freie Schriftsteller») – это автор, который зарабатывает на жизнь гонорарами от проданных книг, стипендиями, премиями. Подобная ситуация на литературных полях постсоветского пространства, к сожалению, до сих пор остается роскошью.

стве» (Zwischenraum). Именно это «межпространственное» состояние является предпосылкой для поддержания духовной полифонии человека. А поскольку человек невольно адаптируется в новых местах и в культурных зонах, нужно постоянно «перезагружать», деавтоматизировать себя. «Я, – пишет Тавада в эссе «Метаморфозы имен», – постоянно ищу новые места. Когда читатель начинает верить, что в моих текстах вырисовывается японский взгляд на Европу, я чувствую себя человеком, вытолкнутым и закрытым в одной камере под названием Родина. <...> Чтобы освободиться от власти дихотомии Восток/Запад, ищу другие места в России, в Сибири, в Нью-Йорке или где-нибудь еще» [Там же, с. 102]. Именно эти «другие» («третьи») места («andere Schauplätze») предоставляют возможность для отстранения или деавтоматизации. Смена географических пространств и культурных ареалов становится для Тавады «техническим приемом» (по Шкловскому) для поддержания внутренней полифонии. Вышесказанное перекликается с идеями Хоми Бхабха: «Спасения не будет, а будет лишь странное выживание людей на границах культуры» [3, с. 190].

В пограничных культурных зонах находится не только Тавада, но и ее литературные герои. Например, главная героиня повести «Собачья невеста» учительница Мицуки Китамура знает польский и читает книжки на польском языке, т. е. находится на границе двух культурных ареалов – японского и польского.

О относительности географических границ

Ёко Тавада является яркой представительницей гражданина мира, в сознании которой Запад и Восток – относительные величины. В эссе «На Шпрее» она играет с географическими названиями пространства как относительными обозначающими: «Я в Европе, но я не знаю, где это. Одно достоверно: Ближний Восток отсюда совсем недалеко. Место, откуда Ближний Восток совсем близок, называется Европой. Когда я жила на Дальнем Востоке, Ближний Восток был далеко. Но это ошибка. Ближний Восток совсем не так далек от Дальнего Востока, как о нем думали на Дальнем Востоке. <...> Европа находится там, где заканчивается Шелковый путь. <...> Европа находится там, куда приземляются самолеты» [13, с. 11, 12]. Из цитаты очевидно, что благодаря средствам передвижения и коммуникации мир в восприятии автора превратился в «глобальную деревню» [4, с. 47].

Игру с географическими понятиями можно продемонстрировать и на примере другого эссе Тавады – «U.S. + S.R. Eine Sauna in Fernosteuropa» [13, S. 156], посвященного ее путешествию от Вакканая на Сахалин, профинансированного в рамках проекта фонда Роберта Боша «Grenzgänger –

Recherchen in Mittel- und Osteuropa» («Путешественник границы – поиски в Центральной и Восточной Европе»). Название эссе многозначно. «U.S. + S.R.» можно прочесть и как USSR (Union of Soviet Socialist Republics), и как U.S. (=США) + S.R. как Sozialistische Republiken (социалистические республики, нынешнее пространство СНГ), т. е. как признак советскости, и как *Sowjetisches Russland* (Советская Россия), если прочесть по-немецки. *Eine Sauna in Fernosteuropa* можно перевести как «баня Дальневосточной Европы» в прямом и в переносном смысле. Ассоциативная связь бани и России вполне легитимна (в политическом плане в эпоху сталинизма баня для Европы звучит еще более обоснованной метафорой).

«Дальневосточная Европа» (Fernosteuropa) является неологизмом, отражающим авторское восприятие географического пространства как условного, относительного разделения Европы (или просто Запада) и Востока. В эпоху экономической глобализации и глобальной торговли экономические границы размываются, оппозиция Запад и Восток исчезает именно на экономическом уровне. «Когда японцы, – пишет Тавада, – видят фотографии моей хаотической комнаты, они думают: “Ах, как там много европейских вещей”. Но какие вещи европейские и какие японские? Пианино “Ямаха” – вещь японская или европейская? Я никогда не разделяла» [14, S. 84].

Или в эссе «Жить в Японии» («Wohnen in Japan») [13] Тавада замечает, что в японских интерьерах намного реже можно увидеть татами, чем псевдоперсидские ковры. В домах японцев столы европейского стиля соседствуют с маленькими японскими зимними столами Kotatsu. Рядом с «домашним алтарем» – телевизором – можно увидеть баварские часы с кукушкой [Там же, S. 104]. Благодаря цифровой эре, Интернету, глобальным торговым компаниям (таким как Amazon, Ebay, Officedepot, Zappos, AliExpress, Globbing и т. д.) любые товары мира становятся достижимыми, придавая эклектичности нашим интерьерам, на что указывает сама Тавада в японских вещевых синтагмах.

Границы полов и проблема гендерной идентичности

Овладение Тавадой разными национальными и культурными языками породило гибридное сознание гибридного человека, рефлексизирующего о географических и культурных «границах». Но Тавада, как человек «границы» с гибридным мышлением, в своем творчестве затронула также проблему границ и взаимопереходов полов.

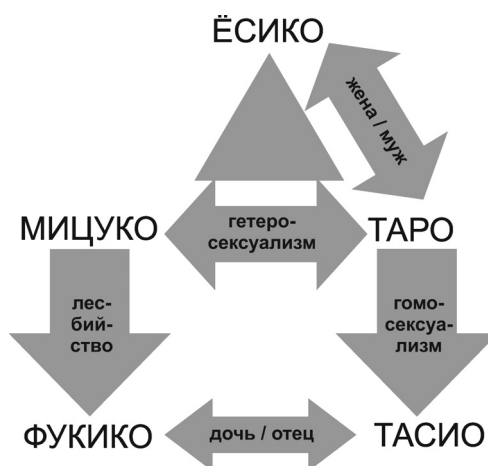
Гендерная и национальная идентичность еще в 1980-е гг. не была сложной проблемой, но в эпоху постколониализма и массовых миграций ситуация изменилась. В этом контексте интересна мысль Хоми Бхабха: «...именно жизнь на кромке истории и языка, на границах расы и пола позволяет нам преобразовывать различия в солидарности разного ро-

да» [3, с. 190]. Тему гендерной идентичности Тавада художественно осмыслила в произведениях «Собачья невеста» и «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов».

В повести «Собачья невеста» можно увидеть разнообразные гендерные переходы: от гетеросексуальности к лесбиянству (Мицуко Китамура – Фукико), а на примере Таро – от гетеросексуальности (Таро – Ёсико) к бисексуальности (Мицуко Китамура – Тасио Мацубара). В конце повести Таро, друг Мицуки, в своих поисках гендерной идентичности останавливается на гомосексуальности (Таро – Тасио). Из текста мы узнаем, что отец Фукико – Тасио – «странный»: «он в какой-то “Голубой бар” ходит и там задницей крутит» [8, с. 277]. Можно реконструировать и переходы гендерной ориентации Тасио. Так как у него была дочь, соответственно и жена, которая умерла несколько лет назад, то можно предположить, что его гендерные превращения по сравнению с его другом Таро прошли более короткий путь – от гетеросексуальности к гомосексуальности.

Об отношениях Мицуко и Таро можно сказать, что между ними не было романтической любви, поскольку он «целоваться не любил», «не любовался лицом Мицуки (хотя полюбоваться было чем)» [7, с. 286, 287]. (Заметим, что поцелуй и любование лицом любимой женщины являются одним из важнейших индикаторов романтической любви). У Таро «не было ни малейшего интереса к [большому] бюсту» Мицуки, похожему на «две рыбины» [Там же, с. 275]. Впрочем, Таро любил «вишню» Мицуко [Там же, с. 283].

Все эти гендерные взаимоотношения отражены на рисунке.

Гендерные взаимоотношения в повести
Ё. Тавады «Собачья невеста»

Таро уходит от жены Ёсико, потому что от нее «всё время пахло жирным бульоном» [Там же, с. 294, 296–297]. А Мицуко охладела к своему

постояльцу Таро, когда узнала от Ёсико о «вечерних развлечениях» Таро и Тасио. Изменение отношения Мицуко к Таро отмечается следующими пассажами: «... на своего постояльца с того дня она смотрела уже без прежнего трепета»; «неприятно стало смотреть на него при дневном свете», хотя «покувыркаться» с Таро «еще куда ни шло» [7, с. 301].

По сути, предложение Орита-сан (одной из «мамаш») Мицуко выйти замуж за Таро, а также «измена» и бисексуальность Таро, хождение по барам для голубых, где Тасио Мацумара «крутил задницей» [Там же, с. 277], стали причинами для гендерного превращения Мицуко от гетеросексуальности и лесбиянству («прониклась она какой-то странной симпатией к Фукико»).

Этот переход не был прямолинейным. Мицуко начала заботиться о Фукико: делать ей «груминг» (мытьё грязных волос, расчесывание, стрижка ногтей) [Там же, с. 294, 277, 302], заботиться о ее питании. Фукико начала ужинать у Мицуки, перейдя от чизбургеров и жареных цыплят [Там же, с. 302] к здоровой пище, приготовленной Таро. «Ритуал» встреч между Мицуко и Фукико происходил в рабочие дни пансиона, кроме среды, а заканчивался за пять минут до возвращения Таро. По сути, Мицуко вовлекла Фукико в лесбийские отношения под маской «материнской» заботы.

Сама Фукико, судя по некоторым деталям текста, тоже находилась в поиске своей гендерной идентичности. Когда она гостила у Мицуко и Таро, она «почему-то любила смотреть на Таро, весь ужин просто глаз с него не сводила» [Там же, с. 303]. С другой стороны, ей нравилось смотреть, как Мицуко пришивает ее пуговицу, а она, голая, уткнувшись головой в плечо Мицуко, «следит, как иглолка в дырочки ныряет» [Там же, с. 304]. Эти детали говорят о гендерной амбивалентности Фукико.

Подобный гендерный переход описывается в рассказе Томаса Манна «Тонио Крёгер» («Tonio Kröger»), в котором одноименный герой в 14 лет влюбляется в одноклассника Ганса Гансена. «Дело в том, что Тонио любил Ганса Гансена и уже немало из-за него выстрадал. <...> он мучительно желал, чтобы Ганс любил его, и на свой лад домогался его любви; всей душой, медлительно, самозабвенно, в печали и томлении – томлении, что гложет и жжет больнее, чем буйная страсть, которую можно было бы предположить в нем, судя по его южному облику» [12, S. 9, 12; 5, с. 196, 199]. Но в 16 лет «Тонио Крёгер влюбился в резвую Инге Хольм» [5, с. 205; 12, S. 18]. Тема гендерной идентичности и эстетизация однополой мужской любви, переход от гетеросексуализма к гомосексуализму (а по нынешним критериям – к гомосексуальной педофилии, поскольку объектом платонической любви Ашенбаха был 14 летний подросток Тадзио) осмысливается в рассказе Томаса Манна «Смерть в Венеции». Эта тема визуализирована и прекрасно интерпретирована на невербальном уровне в одноименном фильме Лукино Висконти («Morte A Venezia», 1971).

Если в повести «Собачья невеста» описываются гендерные поиски и пограничные амбивалентные ситуации, то в романе «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» описывается андрогинность одновременно и в женщине, и в мужчине. Так, в девятом путешествии «В Гамбург» героиня, находясь в ботаническом саду Линца, отмечает: «Для цветка быть гермафродитом – самое обычное дело. И в моем сердце тоже живут женщина и мужчина» [8, с. 163]. Или в поезде «Иркутск – Хабаровск» героине во сне раскрывается андрогинность русского мужика: «За щетиной скрывается белая и нежная кожа» интеллигентной городской женщины «лет сорока с небольшим. <...> Единственное, что объединяло ее с мужчиной, – ощущение некоторого одиночества» [Там же, с. 123].

Андрогинность раскрывается не только в русском мужике, но и в самой героине. Раздевшись, она обнаруживает, что стала гермафродитом, одновременно с женским и мужским лицом и гениталиями. А в момент эротического вожделения героиня слышит два противоположных голоса: «Не делай этого, нельзя, нельзя переступить этой черты, нельзя, стыдно, прекрати, возврата не будет, только раз сделаешь так – будет поздно, немедленно прекрати! Но другой голос очаровывал, притуплял волю, шептал другое: пусть будет так, пусть будет так, отдайся своему телу, не сопротивляйся, плыви по течению, отдайся потоку, плыви туда, куда тебя несет, твоя воля никому не нужна, доверься минуте, сделай так, не противься...» [Там же, с. 127–128]. По сути, мы слышим два голоса: голос цензора, который пытается заглушить в человеке биологическую энергию – либидо, и голос природы.

Тема андрогинности в романе «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» представляется и на культурном примере. В двенадцатом путешествии «В Бомбей» длинная очередь в кассу сравнивается со змеей на шее Шивы: «Вокруг его шеи трижды, словно ожерелье, закручена змея. Глаза с тяжелыми веками распахнуты, губы – красные, лицо – женское, но на обнаженном торсе отсутствуют женские груди, одни бугры мышц. Фазаньи крылья скрывают причинное место, ниже – мощные ноги. Хоть лицо и женское, но все-таки это мужчина» [Там же, с. 197–198]. Описание Шивы и его визуализация, если выразиться на метаязыке К.Г. Юнга, является «хрестоматийным» проявлением архетипов Анимы (женское начало) и Анимуса (мужское начало) в человеке как необходимых атрибутов социализации и компромиссной коммуникации в межличностных отношениях.

Игру мужского и женского, Анимы и Анимуса, можно разглядеть и в героях повести «Собачья невеста». Андрогинность в образе Мицуко видна, когда она «примчалась на спортивном мотоцикле, и было на ней белое платье» [7, с. 271]. Если исходить из гендерных стереотипов, то контрастность синтагм «спортивный мотоцикл» и «белое платье» говорит об акцен-

тировании мужского (мотоцикл) и женского (белое платье) начал, понимаемых как контрастное проявление Анимы и Анимуса. Когда «в драной-предраной розовой майке, сквозь которую соски торчат» Мицуко демонстрирует свой «пышный бюст» озорующим девочкам-школьницам [7, с. 274], сам цвет майки, фокализация женского тела, поведение Мацуко являются манифестацией женского (Анима). Оно противопоставляется в текстовой ткани мужскому (Анимус), когда она «не вполне одетая», «чумазая, растрёпанная» чинила свой мотоцикл [Там же, с. 278]. В этих деталях подчеркиваются и «мужское» («чумазая, растрёпанная», ремонт мотоцикла, грязный дом), и «женское» («не вполне одетая», «торчащие соски», «пышная грудь»).

Андрогинность проявляется и в Таро. Женское видится в том, что он убирается в доме, любит готовить [Там же, с. 282], а мужское проявляется в отношениях с Мицуко. «Женское» в Тасио проявляется в баре для голубых, где он «крутит задницей» [Там же, с. 277, 305], но не видно на уровне быта. Он не заботится о дочке: Фукико приходит в школу с немывтыми волосами, без носков, в чем проявляется его родительское невнимание.

Заключение

Можно заключить, что Тавада, как человек «границы» с гибридным мышлением, рефлексировала не только о релятивности географических и культурных «границ», но и о релятивности гендера, о взаимопереходе полов. Анализ текстов показал, что гендерная идентичность литературных персонажей Тавады представлена не как биологическая данность, как дар природы, а является результатом поиска своей идентификации через переходы гендерных границ, через все переходы от гетеросексуальности к бисексуальности и затем к гомосексуальности и лесбийству. Тавада выявляет еще один ментальный конструкт – гермафродитизм как проявление гендерной гибридности.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 383 с.
2. Белобратов А.С. Немецкоязычная литература миграции на рубеже тысячелетий: от традиционализма к постмодерну и обратно // Вопросы филологии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. – С. 97–108.
3. Бхабха Х. Местонахождение культуры [Электронный ресурс] // Перекрытки. – 2005. – № 3–4. – С. 161–191. – URL: http://old.ehu.lt/files/periodicals/CrossRoad_3-4_2005.pdf (дата обращения: 23.11.2018).
4. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
5. Манн Т. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. – М.: Гослитиздат, 1960. – 760 с.

6. *Семенов И.С.* Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура [Электронный ресурс] // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 5–23. – URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2003/1/Polis-2003-1-Semenenko.pdf> (дата обращения: 26.11.2018).
7. *Тавада Ёко.* Собачья невеста / пер. Г. Чхартишвили // Она: сборник новелл. – М.: Иностранка, 2001. – С. 263–308.
8. *Тавада Ёко.* Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. – 224 с.
9. *Шоултер Э.* Наша критика // Современная литературная теория: антология. – М.: Флинта, 2004. – С. 314–334.
10. Adelbert-von-Chamisso-Preis der Robert Bosch Stiftung [Electronic resource]. – URL: <http://www.bosch-stiftung.de/de/projekt/adelbert-von-chamisso-preis-der-robert-bosch-stiftung> (accessed: 26.11.2018).
11. *Kreikebaum U.* “Meine Identität ist in der Vielstimmigkeit” [Electronic resource] // Kölner Stadt-Anzeiger. – 2018. – 20 January. – URL: <https://www.ksta.de/kultur/-meine-identitaet-ist-in-der-vielstimmigkeit--29525118> (accessed: 26.11.2018).
12. *Mann T.* Tonio Kröger und Mario und der Zauberer. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2007. – 120 p.
13. *Tawada Y.* Sprachpolizei und spielpolyglotte. – Tübingen: Konkursbuch Verlag Claudia Gehrke, 2007. – 162 p.
14. *Tawada Y.* “Fremd sein ist eine Kunst”. Interview mit Yoko Tawada [Electronic resource] // Migrationsliteratur – Eine neue deutsche Literatur? Dossier. – Berlin: Heinrich-Böll-Stiftung, 2009. – P. 81–85. – URL: <https://heimatkunde.boell.de/2009/03/18/editorial-dossier-migrationsliteratur-eine-neue-deutsche-literatur> (accessed: 26.11.2018).

Статья поступила в редакцию 10.05.2018 г.

Статья прошла рецензирование 26.06.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-193-206

YOKO TAWADA – A “BOUNDARY” PERSON AND WRITER

Simyan Tigran,

*Dr of Sc. (Philology), Professor,
Professor of the Department of Foreign Literature
of Romance and Germanic Philology,
Yerevan State University,
1A, Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0000-0001-9534-3505
tsimyan@ysu.am*

Abstract

The subject of analysis of this article is the habitus of a German writer of Japanese origin Yoko Tawada as well as the hybrid nature of her works. The main thesis of this study is that the “boundary” person (Tawada) with hybrid identity generates transnational texts, the topic of which is the problems of the language border at the denotative and connotative levels. The article especially focuses on the analysis of the problem of sexual and gender identity on the example of the story “The Bridegroom Was a Dog”

The methodological foundations of this article are semiotics, the typology of culture, and the theoretical concepts of Mikhail Bakhtin, Yuri Lotman, and Homi Bhabha.

The empirical analysis of Tawada’s novel and her several essays (“U.S. + S.R. Eine Sauna in Fernosteuropa”, “Living in Japan”, “Suspicious Passengers of Your Night Trains”) makes evident that, in the Tawada’s understanding, at present there is no clear geographic or axiological boundary between East and West. The digital era, the Internet, global trade, and transnational corporations have played a key role in the delimitation of these value boundaries.

The author analyzes gender transitions and the problem of sexual identity on the example of the story “The Bridegroom Was a Dog” and the novel “Suspect on the Night Train”. In the story “The Bridegroom Was a Dog” Y. Tawada describes the transitions of artistic images from heterosexuality to lesbianism (Mitsuko Kitamura vs. Fukiko), and from heterosexuality (Taro vs. Yoshiko) to bisexuality (Mitsuko Kitamura vs. Tashio Matsubara). In contrast, the novel “Suspect on the Night Train” considers androgyny simultaneously in a woman and in a man.

The detailed analysis of different segments of Tawada’s texts shows that the gender identity of her characters is not portrayed as biologically given, as a gift of nature, but is rather a product of search by means of crossing gender boundaries. In addition to the their description of the search for gender, transitional situations like bisexuality, and the final “landing” at the same-sex love (lesbianism, homosexuality), Tawada’s texts also contain manifestations of gender hybridity – hermaphroditism, as the “third” mental construct, after lesbianism and homosexuality.

Keywords: migration literature, hybridism, hybrid identity, multiculturalism, transnationality, sexual orientation, gender, bisexuality, homosexuality, lesbianism.

Bibliographic description for citation:

Simyan T. Yoko Tawada – a “boundary” person and writer. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 4, vol. 2, pp. 193–206. doi: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-193-206.

References

1. Beck U. *Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu* [Was ist globalisierung? Irrtümer des globalismus – antworten auf globalisierung]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. 383 p. (In Russian).
2. Belobratov A.S. Nemetskoyazychnaya literatura migratsii na rubezhe tysyachetii: ot traditsionalizma k postmodernu i obratno [German-language literature on the border millennium: from traditionalism to postmodern and back]. *Voprosy filologii* [The problems of philology]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2015, pp. 97–108.
3. Bhabha H. Mestonakhozhdenie kul'tury [The location of culture]. *Perekrestki – Crossroads*, 2005, no. 3–4, pp. 161–191. (In Russian). Available at: http://old.ehu.lt/files/periodicals/CrossRoad_3-4_2005.pdf (accessed 23.11.2018).
4. McLuhan M. *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. Toronto, University of Toronto Press, 1962 (Russ. ed.: Makluan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury*. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2004. 432 p.).
5. Mann T. *Sobranie sochinenii*. V 10 t. T. 7 [Collected works. In 10 vol. Vol. 7]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960. 760 p. (In Russian).
6. Semenenko I.S. Globalizatsiya i sotsiokul'turnaya dinamika: lichnost', obshchestvo, kul'tura [Globalization and socio-cultural dynamics: personality, society, culture]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*, 2003, no. 1, pp. 5–23. Available at: <http://www.politstudies.ru/files/File/2003/1/Polis-2003-1-Semenenko.pdf> (accessed 26.11.2018). (In Russian).
7. Tawada Y. *Sobach'ya nevesta* [The bridegroom was a dog]. *Ona: sbornik novell* [She: collection of short stories]. Moscow, Inostranka Publ., 2001, pp. 263–308. (In Russian).
8. Tawada Y. *Podozritel'nye passazhiry tvoikh nochnykh poezdov* [Suspicious passengers of your night trains]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2011. 224 p. (In Russian).
9. Showalter E. Nasha kritika [Our criticism]. *Sovremennaya literaturnaya teoriya: antologiya* [Modern literary theory. Anthology]. Moscow, Flinta Publ., 2004, pp. 314–334. (In Russian).
10. *Adelbert-von-Chamisso-Preis der Robert Bosch Stiftung*. (In Russian). Available at: <http://www.bosch-stiftung.de/de/projekt/adelbert-von-chamisso-preis-der-robert-bosch-stiftung> (accessed 23.11.2018).
11. Kreikebaum U. „Meine Identität ist in der Vielstimmigkeit“. *Kölner Stadt-Anzeiger*, 2018, 20 January. Available at: <https://www.ksta.de/kultur/-meine-identitaet-ist-in-der-vielstimmigkeit--29525118> (accessed 26.11.2018).

12. Mann T. *Tonio Kröger und Mario und der Zauberer*. Frankfurt am Main, Fischer Verlag, 2007. 120 p.
13. Tawada Y. *Sprachpolizei und spielpolyglotte*. Tübingen, Konkursbuch Verlag Claudia Gehrke, 2007. 162 p.
14. Tawada Y. „Fremd sein ist eine Kunst“. Interview mit Yoko Tawada. *Migrationsliteratur – Eine neue deutsche Literatur? Dossier*. Berlin, Heinrich-Böll-Stiftung, 2009, pp. 81–85. Available at: <https://heimatkunde.boell.de/2009/03/18/editorial-dossier-migrationsliteratur-eine-neue-deutsche-literatur> (accessed 26.11.2018).

The article was received on 10.05.2018.

The article was reviewed on 26.06.2018.